

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080015284-9

ОТКРЫТИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА
В ХОРАСАНЕ В 1889 Г. АФГАНСКИЙ АСПЕКТ

© 2021

Н.С. ИЩЕНКО ^{a, b}^a – МИД РФ, Посольство РФ в Афганистане;^b – МГИМО МИД РФ; Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Резюме: К середине 1880-х гг. Россия завершила присоединение среднеазиатских земель и подошла вплотную к границам Афганистана. По итогам Второй англо-афганской войны (1878–1880) южный сосед России принял на себя статус протектората Великобритании и, таким образом, лишился права вести независимую внешнюю политику. В условиях продолжавшегося российско-британского противостояния в Средней Азии русские власти чувствовали острую необходимость в получении достоверных сведений о событиях в Афганистане, но не имели возможности направить туда официального представителя и были вынуждены развивать полулегальную разведывательную деятельность, опираясь на информацию, поступающую во многом от агентов из числа местных жителей. В период с 1882 по 1900 гг. к северу и западу от афганской границы российское правительство открыло четыре дипломатических учреждения: консульство в Кашигаре (1882), политическое агентство в Бухаре (1885), генеральное консульство в Хорасане (1889) и вице-консульство в Систане (1900). Упомянутые представительства объединяет то, что в их обязанности, помимо решения вопросов, относящихся к территории их пребывания, входил сбор сведений об Афганистане. Вместе с тем афганский аспект деятельности указанных дипломатических представительств до сих пор не нашел отражения в исторических исследованиях. Автор планирует обстоятельное изучение этого вопроса, первым шагом на пути которого должна стать настоящая статья, посвященная открытию российского генерального консульства в иранском г. Мешхеде. Основой настоящего исследования стали документы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного исторического архива, а также дариязычный источник «Сирадж ат-Таварих».

Ключевые слова: Генеральное консульство России в Хорасане, П.М. Власов, Большая игра, Афганистан.

Для цитирования: Ищенко Н.С. Открытие российского генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект. *Восток (Orient)*. 2021. № 6. С. 168–178. DOI: 10.31857/S086919080015284-9

OPENING OF THE RUSSIAN CONSULATE GENERAL IN KHORASAN IN 1889. THE AFGHAN ASPECT

© 2021

Nikita S. ISHCENKO ^{a, b}

^a – Russian Embassy in Afghanistan, Ministry of Foreign Affairs

^b – MGIMO-University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Abstract: *By the mid-1880s, Russia took over Central Asia and approached closely to the borders of Afghanistan. As a result of the Second Anglo-Afghan War (1878–1880), Russia's southern neighbour assumed the status of a British protectorate and lost the right to an independent foreign policy. Against the backdrop of the ongoing Russian-British confrontation in Central Asia, Russian authorities felt an urgent need to obtain the reliable information on Afghanistan, but did not have an opportunity to send an envoy there and had to develop semi-legal intelligence activities and rely on the information obtained largely from local dwellers. Between 1882 and 1900, Russian Government opened four diplomatic offices to the north and west of the Afghan border: the Consulate in Kashgar (1882), the Political Agency in Bukhara (1885), the Consulate General in Khorasan (1889) and the Vice-Consulate in Sistan (1900). The aforementioned missions are united by the fact that their duties in addition to the issues related to the host territories, included information gathering about Afghanistan. However, the Afghan aspect of these diplomatic missions' activities has not yet been reflected in any historical studies. The author has a plan for a thorough study of the issue and this article on the opening of the Russian Consulate General in the Iranian city of Mashhad being the first step on this way. On the basis of this research were the documents of the Foreign Policy Archive of Imperial Russia, the Russian State Historical Archive, as well as the source entitled "Siraj al-Tawarikh" in Dari.*

Keywords: *Consulate General of Russia in Khorasan, Petr Vlasov, The Great Game, Afghanistan.*

For citation: Ishchenko N.S. Opening of the Russian Consulate General in Khorasan in 1889. The Afghan Aspect. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 168–178. DOI: 10.31857/S086919080015284-9

Противостояние России и Великобритании за влияние в Средней Азии в 1880-е гг. ознаменовалось рядом важных событий, оказавших значительное воздействие на состояние отношений двух империй. Российское продвижение к северным афганским областям, включение в состав России г. Мерва (1884), а затем оазиса Пандждех (1885) и последовавшее боестолкновение русского отряда с афганским, действовавшим под руководством английских военных специалистов и потерпевшим сокрушительное поражение, привели к обострению российско-британских отношений.

Ситуация нормализовалась по завершении определения северо-западной границы России и Афганистана в 1888 г. После этого англичане сконцентрировались на распространении и укреплении своих позиций как в пределах признанных владений афганского эмира Абдурахман-хана (1880–1901), что привело к ухудшению их отношений с последним, так и в стратегически важных, не разграниченных к тому времени, горных районах северо-востока Индии, населенных пуштунами, а также на Памире, где разыгралась упорная геополитическая борьба при активном участии России. События в Афганистане оказывали

влияние и на положение дел в российском Туркестане¹, где власть Петербурга еще не была достаточно твердой, и на востоке Ирана – районе, примыкавшем к российским владениям и при этом в наименьшей степени испытывавшем на себе влияние центральной власти.

Таким образом, все происходившее в Афганистане требовало пристального внимания России. Однако приобретенный Кабулом по итогам Второй англо-афганской войны (1878–1880) статус протектората Великобритании не позволял Петербургу иметь там официального представителя. Наблюдение за событиями в Афганистане, их анализ, а также продвижение российских интересов в этой стране возлагалась на российские дипломатические представительства вблизи афганских границ. В этой связи важным шагом стало открытие генерального консульства в столице северо-восточной иранской провинции Хорасан г. Мешхеде.

В исторической литературе авторы не обращались к вопросу об афганском аспекте учреждения российского генконсульства в Хорасане. Раскрытие этой проблематики позволит расширить знания об усилиях Петербурга по исследованию Афганистана в 1880–1890-е гг., в том числе работе там российских агентов, а также выявить новые детали российско-британского политического противостояния на афганских границах. Главным источником настоящего исследования стали материалы Архива внешней политики Российской империи 1887–1901 гг., главным образом сведения о событиях, предшествовавших открытию миссии, а также донесения генконсульства о событиях в Афганистане 1889–1891 гг. Другой важный источник – дариязычный труд «Сирадж ат-Таварих», в котором также нашла отражение проблема российско-британской борьбы на ирано-афганской границе на рубеже 1880–1890-х гг.

АФГАНСКИЙ АСПЕКТ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО ГЕНКОНСУЛЬСТВА В ХОРАСАНА

В последней четверти XIX в. иранская провинция Хорасан представляла собой пограничную область на северо-востоке страны, к северу от которой располагались земли туркменских племен, окончательно включенные в состав России к 1885 г., на востоке – афганский Герат. Столица Хорасана г. Мешхед, в котором находится усыпальница восьмого шиитского имама Резы (770–818), как и в наши дни, имела статус одного из наиболее почитаемых мусульманами-шиитами священных мест.

По мере расширения русской территории в Средней Азии во второй половине XIX в. Хорасан приобретал для Петербурга все большее значение. Об этом, в частности, в 1888 г. писал во всеподданнейшем докладе Александру III (1881–1894) министр иностранных дел Николай Карлович Гирс (1881–1894) [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 16–20]. По словам дипломата, в ходе Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881) в Хорасане заготавливались продовольствие и фураж, что позволяло ускорить ход военных действий. После занятия Ахал-Теке (1881), Мерва (1884), а также туркменских оазисов Июлатан (1884) и Пандждек (1885) российская граница с этой областью составила около 640 км (600 верст) [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 16]. Кроме того, проведение российскими властями железной дороги к Ашхабаду открыло новый торговый путь, соединивший промышленные центры империи с Мешхедом, исторически служившим перекрестком, из которого расходились

¹ В этой связи можно, в частности, упомянуть восстание правителя Северного Афганистана Мохаммада Исхак-хана в 1888 г. и его обращение за поддержкой к российским властям. Охватившие северные афганские области волнения усмирялись кабульским эмиром вплоть до начала 1890-х гг. и вызвали поток беженцев из Афганистана в российский Туркестан и Иран, а также привели к ряду карательных акций в спорном на тот момент Бадахшане.

торговые пути как вглубь Ирана, так и в Афганистан. Последнее обстоятельство привело к увеличению числа проживавших в Мешхеде русских подданных.

Одним из ключевых факторов, повышавших значение Хорасана для российских интересов, был афганский аспект. Н.К. Гирс отмечал важность стратегического расположения этой области Ирана вблизи Герата, который британцы считали «ключом к Индии»: «... Мешхед, благодаря своему географическому положению, представляется наиболее удобным пунктом для наблюдения за ходом событий не только в Персии, но и в сопредельных с нею странах Средней Азии и, между прочим, в Афганистане, который в настоящее время представляется одним из наиболее важных факторов в вопросах, касающихся как нашего положения в Средней Азии, так и наших политических отношений к Англии» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 17].

По мере укрепления влияния России в приграничных туркменских землях в Петербурге все острее ощущали важность более эффективного присутствия на границе с Афганистаном. Так, в 1885 г. главноначальствующий кавказской администрации (кавказский наместник) Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1882–1890) писал военному министру Петру Семеновичу Ванновскому (1881–1898) о необходимости для России иметь своих агентов в крупных афганских городах, подчеркивая в этой связи особое значение для русских интересов гератской провинции Афганистана, соседствующей с Мешхедом и Закаспийской областью: «Я уже имел случай высказать министерству иностранных дел о пользе для нас учреждения должности агента в Кабуле и Герате; но так как назначение представителя русских интересов в столице Афганистана вызовет, вероятно, упорную оппозицию со стороны Англии, то необходимо по крайней мере, выговорить себе право иметь нашего агента по пограничным и торговым делам в Герате, как главном городе и местопребывании правителя соседней с нашими владениями афганской провинции; позволяю себе думать, что ваше превосходительство разделите мой взгляд на этот предмет и с своей стороны окажете в свое время содействие практическому его осуществлению» [РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 467, л. 1].

ТОРГОВЫЙ АГЕНТ РОССИИ В МЕШХЕДЕ

Осознавая необходимость иметь в Хорасане своего представителя, российские власти в 1879 г. учредили пост нештатного торгового агента в Мешхеде, который занял чиновник «из кавказских мусульман» – коллежский асессор Карим-хан Насирбеков. Кроме того, к этому времени на российской службе находились агенты в приграничных с Закаспийской областью городах Хорасана: Буджнурде, Дерегезе и Кучане.

Со временем требования к работе представителя в Хорасане повышались. В ответ на указания Н.К. Гирса посланнику в Тегеране князю Николаю Сергеевичу Долгорукову (1886–1889) «...принять все меры к получению частых и верных известий о ходе событий в соседних с Россией афганских областях» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1306, л. 1] последний в июле 1887 г. докладывал, что лучшим способом для решения этой задачи, по его мнению, было бы направление в Мешхед опытного дипломата.

Посланник в Тегеране и министр иностранных дел отмечали старательность и энергичность К. Насирбекова, «чья деятельность принесла в свое время известную пользу» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 17]. Однако Н.С. Долгоруков также подчеркивал: «...сведения, сообщаемые нам нашим торговым агентом в Мешхеде, Керим-ханом Насирбековым, при всем их обилии, отличаются, насколько я мог заметить, разноречивостью и тенденциозностью». И далее: «Получаемые из Афганистана сведения могут иметь для нас значение лишь в том случае, если они будут давать нам верное понятие о ходе событий в этом крае.

Достоверность этих сведений настолько же необходима Императорскому Правительству по отношению к афганским делам, насколько желательна для вверенной мне миссии ввиду того влияния, которое имеют на состояние умов в Тегеране доходящие сюда из Афганистана слухи» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1306, л. 1].

В 1887 г. по рекомендации главы российской дипмиссии в Иране, в том числе для определения путей улучшения работы торгового агента по доставлению сведений из Герата, было принято решение временно командировать в Хорасан русского консула в Гиляне Петра Михайловича Власова. В его задачи также входило изучение на месте положения дел в Хорасане и ознакомление с деятельностью британского агента – полковника Чарльза Смита Маклина (к 1888 г. произведен в чин генерала).

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА

Быстрое развитие политических и торговых интересов России в Хорасане привели Петербург к решению об упразднении торгового агентства в Мешхеде и учреждении должности генерального консула, «который, – по заявлению Н.К. Гирса, – мог бы вполне верно понимать цели и задачи русской политики в Средней Азии и был бы способен сообразно этому изыскивать надлежащие средства к противодействию направленным к ущербу интересов наших иноземным проискам». «Только официальный агент, – продолжал министр, – может с полным авторитетом защищать права проживающих в Хорасане в значительном числе русских подданных и вместе с тем иметь надлежащее воздействие на местное персидское начальство для побуждения его к справедливому разрешению весьма часто возникающих на русско-персидской границе пререканий и недоразумений» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 17–18]. На этот пост с жалованьем в 7 тыс. руб. в год был назначен П.В. Власов, который прослужил в Мешхеде до 1897 г.

Иранское правительство некоторое время противилось устройству русского консульства, по некоторым сообщениям, «по наущению пребывающей здесь английской миссии» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 71]. Официально иранцы объясняли свою обеспокоенность тем, что появление консула-христианина в таком важном религиозном центре, как Мешхед, могло вызвать волнения среди местного населения. В действительности же, как отмечал П.М. Власов, в Тегеране опасались, «что появление Русского официального агента на северо-восточных окраинах Персии может отразиться невыгодно на авторитете шахской власти и без того слабой там» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 16].

Вместе с тем вопрос об учреждении русского дипломатического представительства был улажен довольно быстро. 23 января 1889 г. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 85] в Тегеране коллежский советник П.М. Власов был представлен иранскому правителю Насреддин-шаху (1848–1896), а в начале весны прибыл к месту службы. Регулярные донесения генерального консула в Мешхеде о событиях в Афганистане стали важным источником информации о южном соседе России.

В 1890–1891 гг. российское диппредставительство внимательно следило за ирано-афганским разграничением и активным участием в нем англичан, собирало сведения о готовившейся, по слухам, (но не состоявшейся) поездке Абдурахман-хана в Лондон, событиях на афгано-индийской границе и многочисленных восстаниях в Афганистане. Отмечалось обострение афгано-британских отношений в начале 1890-х гг. П.М. Власов докладывал о распространении в Афганистане холеры в 1892 г., от которой, по его сведениям, в Герате ежедневно умирали до 300 чел. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 820, л. 11]. Значительные усилия употреблялись для противодействия антирусской деятельности британского генконсула.

АНГЛИЙСКИЙ АГЕНТ В ХОРАСАНЕ

Как представляется, налаженная работа английского дипломата в Хорасане подтолкнула российские власти к активизации усилий по учреждению официального представительства в этой области. В июле 1887 г. Н.С. Долгоруков отмечал, что Ч.С. Маклин к тому времени проживал «в Мешхеде уже более года и, благодаря личному своему авторитету и находящимся в его распоряжении денежным средствам» приобрел «влияние на правителей и жителей Хорасана» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1306, л. 2, 3]. Год спустя Н.К. Гирс во всеподданнейшем докладе подчеркивал: «Как свидетельствуют о том имеющиеся в министерстве иностранных дел данные, генерал этот успел создать себе в Мешхеде весьма видное положение» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 10]. Ч.С. Маклин занимал должность английского генконсула до 1891 г., когда на этом посту его сменил знаменитый военный путешественник Ней Илиас (служил в Хорасане до 1893 г.). Посетивший Мешхед в 1890 г. поверенный в делах посольства Великобритании в Тегеране Роберт Джон Кеннеди в отчете о поездке писал: «...должность генерала Маклина можно описать как страж заставы, чьи обязанности заключались в наблюдении и отчете о продвижении России с Каспия, с одной стороны, и из Туркестана – с другой» [Kennedy, 1890, p. 2]. Таким образом, российским властям было необходимо предпринимать активные действия для борьбы со своим геополитическим соперником за влияние в стратегически важном районе ирано-афганского приграничья.

Британский агент сыграл заметную роль в создании препятствий к открытию российского представительства в Мешхеде. Возможность распространения влияния Петербурга на границе с Афганистаном (тем более вблизи Герата) вызывала настороженность английского правительства, которое, как отмечал русский генконсул, распоряжалось, «до появления нашего официального агента в Хорасане, бесконтрольно на границе оного с Афганистаном» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 17]. В своем отчете о событиях в Хорасане за 1889 г. П.М. Власов так описывал реакцию англичан на открытие российского генконсульства: «Решение императорского правительства учредить генеральное консульство в Хорасане с резиденцией в г. Мешхеде, доведенное до сведения шахского правительства в сентябре месяце 1888 года, вызвало сильную тревогу как при дворе шаха и в самом Хорасане, так и в великобританском или вернее англо-индийском правительстве» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 16].

Сразу после учреждения российского генконсульства, «воспользовавшись, добытым усилиями нашей политики, признанием нашего официального агента в Хорасане» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 19], британцы поспешили открыть в Мешхеде свое генеральное консульство, которое с первых дней работы начало распространять слухи о том, что учреждением дипломатического представительства русские преследуют завоевательные цели по отношению к Хорасану. В дальнейшем британское консульство непрерывно интриговало против России, препятствовало проникновению российских товаров в Герат, которые все же попадали туда, хоть и в незначительном количестве, и т.д. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 34].

Об антироссийской деятельности Ч.С. Маклина, а также о его влиянии не только в Хорасане, но и в Герате свидетельствует, в частности, эпизод, описанный в афганском источнике «Сирадж ат-Таварих». В 1889 г. жители Мешхеда Мостафа Кучани и Мохаммад Садек направились в Герат, как полагал Ч.С. Маклин, исполняя задание русского консула. О своих подозрениях англичанин написал губернатору Герата Саадуддин-хану, попросив его не позволять упомянутым лицам задерживаться в Герате дольше одной ночи, а затем аккуратно задержать их и выслать обратно в Мешхед так, чтобы в российском генконсуль-

стве не заподозрили причастности к этому делу англичан. Афганский чиновник исполнил «приказ» Ч.С. Маклина. Узнав об этом событии, 23 марта 1889 г. (21 раджаба 1306 г.х.) эмир Абдуррахман-хан направил Саадуддин-хану письмо, в котором выразил недовольство действиями губернатора: «...ясно, что он считает тебя дураком, а ты исполняешь все, что он прикажет» [Катиб, 2015, с. 609].

Если верить автору «Сирадж ат-Таварих», российский консул в Мешхеде не оставлял попыток добиться влияния не только в Хорасане, но и в гератской провинции, однако Ч.С. Маклин успешно препятствовал этому. Так, осенью 1892 г. в связи с возникшими религиозными противоречиями между официальными афганскими властями и проживавшими в Герате шиитами – представителями народа кызылбаш, последние были вынуждены бежать в Мешхед, а свою землю они решили продать российским представителям. В свою очередь, «сотрудники российского консульства в Мешхеде также предприняли попытки приобрести их земельную собственность в Герате» [Катиб, 2015, с. 1086]. По словам афганского хрониста, узнав об этом, Ч.С. Маклин обратился к губернатору Герата, призывая его воспрепятствовать такому шагу. Так или иначе сделка по покупке русскими земли в Афганистане не состоялась. Все эти эпизоды свидетельствуют о том, с каким сильным и влиятельным соперником пришлось столкнуться русскому генконсулу в Хорасане.

АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

П.М. Власов провел значительную работу по налаживанию агентурной деятельности не только на востоке Ирана, но и в Афганистане. Сразу после открытия генерального консульства в 1889 г. он докладывал в Санкт-Петербург: «За минимальную норму содержания, здесь сколько-нибудь приличного для русского агента, я признал содержание в 1000 рублей золотом в год, что составляет лишь половину содержания, получаемого нештатными агентами-мусульманами великобританского генерального консульства в Хорасане» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3040, л. 12].

Из донесений П.М. Власова мы узнаем, что на афгано-персидскую границу негласными агентами были назначены: в Дерезе – шугнанец Ханлар-бек Агаев; в Джам – иранец Хадж Мирза Аббас Кули-хан из племени баддилу; в Кучан и Буджнурд – уроженец г. Шуши Ага-бек Рафибеков (известно, что он состоял на русской службе с 13 августа 1889 г. по 17 июля 1892 г.); в Систан в звании негласных корреспондентов генерального консульства – иранские подданные Мирза Захи-хан и Рахим-хан с местопребыванием в Насир-Абаде; в Каин – иранский подданный Хаджи Ага с местопребыванием в г. Бирджане [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3040, л. 1, 2, 9, 30, 33, 56]. Генконсульство располагало также корреспондентом в Герате. Российские агенты, направляемые П.М. Власовым, доезжали и до Кабула, откуда доставляли сведения о событиях в столице, устройстве кабульского двора и семье эмира. От них мы узнаем, в частности, что на рубеже 1880–1890-х гг. население Кабула достигало 600 тыс. чел, не считая военных отрядов общей численностью до 25 тыс. чел. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3064, л. 28].

Свои предложения по учреждению агентурной деятельности П.М. Власов направил в Азиатский департамент МИД:

«1) Содержать еще негласного агента или корреспондента в Герате, как для проверки сведений, доставленных с границы агентом нашим в Джаме, так равно и для доставления нам сведений из самого Герата, не могущих доходить до границы, вследствие весьма бдительного надзора, установленного англичанами на границе этой, если же не найдется охотника, то посылать туда периодически, раза два-три в год, лицо для сказанных целей;

2) Содержать негласного корреспондента или агента на границе Систана с Белуджистаном для наблюдения как за действиями там англичан, так равно и за тем, что происходит в этих двух краях, кои, за отдаленностью Мешхеда, где имеет пребывание генеральное консульство, равно от Турбет-и Шейх-и Джама – места пребывания агента нашего – ускользают из-под нашего надзора и контроля;

3) Иметь в распоряжении определенную сумму на «секретные расходы», как например: на уплату за доставление разными лицами сведений случайных, но часто весьма важных, на подарки за доставление сведений о том, что делается во дворце у принца правителя, у ильханиев, в великобританском генконсульстве и т.п. и главное на подарки, хоть незначительные, влиятельным лицам края и духовенству в особенности.

На содержание двух негласных корреспондентов в Герате и на границе Систана и Белуджистана можно ограничиться, по мнению моему, суммой в 1000 рублей мет. в год, что составит четвертую тысячу, ассигнованную мне Министерством. На “секретные же расходы” было бы желательно в интересах дела положить хотя бы две тысячи рублей в год, что дало бы мне возможность устроить правильную разведочную службу.

Расходование последних сумм должно быть предоставлено в безотчетное распоряжение генерального консульства, ибо лица, доставляющие секретные сведения, не согласятся никогда выдавать расписки в получении за таковые гонорара из-за весьма естественного опасения отвечать за последствия.

В заключении беру смелость присовокупить, что расходы по выполнению изложенных здесь соображений не представляют, как мне хорошо известно, и десятой доли тех сумм, кои расходуются здесь для тех же целей великобританским генеральным консульством» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3040, л. 12, 13].

Добывая сведения об Афганистане, П.М. Власов встречался с самыми разными людьми. В 1891 г. одним из его собеседников стал белудж Гулям Хасан-хан, уроженец Систана, перешедший впоследствии на службу к афганскому эмиру. По какой-то причине Гулям Хасан-хан попал в немилость к Абдуррахман-хану, был арестован и направлен в Кандагар, откуда ему удалось затем бежать в Хорасан [АВПРИ, ф. 147, д. 3064, л. 107].

Прибывший в Мешхед из Герата афганец Ахмад Джан-хан сам искал встречи с русским консулом, предлагая свои услуги по доставлению сведений из Герата, Кабула и Кандагара. Человек этот в 1880-е гг. занимал государственный пост в Герате. Свое желание служить русским он объяснял нелюбовью к Англии. На вопрос о причине такой антипатии Ахмад Джан-хан отвечал, что он, «как все афганы, сколько-нибудь знакомые с их [англичан] жестоким управлением в Индии, не ожидает от них ничего хорошего для своей родины, что в последнее время взгляд его соотечественников на Россию, на ее задачи и стремления на востоке и на образ действий ее с подчиняемыми ею себе народностями начал заметно изменяться в ее пользу, несмотря на отсутствие в Афганистане ее агентов и на умышленно распространяемые самые злостные и невыгодные для нее слухи англичанами в Индии и их агентами в Афганистане, ... что в Афганистане начал укрепляться взгляд на Россию, как на какую-то грозную стихийную силу, бороться с коей бесполезно и опасно и противостоять коей безумно при том обаянии, которое окружает ее и следует за ней повсюду, почему благоразумные афганы стараются заблаговременно снискать у нее благоволение и покровительство» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3064, л. 132].

Ахмад Джан-хан в ходе беседы обнаружил полную уверенность в том, что русские собираются занять Герат и попросил П.М. Власова предоставить ему письменную гарантию в том, что в случае движения русских войск к Герату ему будет оказано покровительство России за те услуги, которые он готовился ей оказать. Русский консул согласился лишь на предоставление афганцем информации за определенную плату. Однако английские агенты,

следившие за зданием представительства, донесли об этой встрече британскому консулу, в связи с чем П.М. Власов полагал, что наладить сотрудничество с гератцем не удастся: «Нет сомнения, что генерал Маклин не замедлит принять надлежащие меры к тому, чтобы лишить Ахмед Джан Хана возможности иметь со мною дальнейшие сношения» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3064, л. 133]. Сведений о дальнейших контактах с афганцем в рассмотренных материалах обнаружить не удалось.

В 1892 г. на службу генконсульства был принят житель Герата Мохаммад Юсуф. О нем нам известно благодаря его собственному обращению к российскому правительству за материальной помощью в связи с тем, что, по его словам, афганские власти, узнав, что он работает на русских, арестовали его и все его имущество. Мохаммаду Юсуфу удалось избежать наказания и прибыть в Мешхед, куда в конце 1880-х гг. была выслана из Афганистана и его семья. Финансовые трудности начались после того, как П.М. Власов покинул пост генерального консула. Впрочем, исполнявший должность генконсула в Мешхеде в начале XX в. Петр Егорович Панафидин подвергал сомнению доводы Мохаммада Юсуфа, так же, как и качество доставляемых им сведений [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3079, л. 48–51].

Афганец описывал свою непростую судьбу следующим образом: «9 лет назад некоторые поручения были возложены на меня генералом Власовым... По прошествии трех лет афганское правительство, узнав о моей тайной деятельности, меня арестовало и хотело казнить. Мне удалось спастись и прибыть в Мешхед. Но имущества мои движимые и недвижимые стоимостью более 50 тыс. туманов были конфискованы, а семья и родные взяты в плен.

Генерал Власов, уверенный в моей верности, возложил на меня те же поручения в Хорасане. Он же мне поручил объезд и осмотр Белуджистана и Систана. Успешное исполнение, при помощи Божией, возложенных на меня поручений стоило много труда и денег. Его превосходительство никогда не переставал быть барином и всячески меня награждал и поощрял, так что я ни в чем не нуждался» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3079, л. 24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учреждение российского генерального консульства в Хорасане в 1889 г. стало важным шагом для укрепления позиций Петербурга на ирано-афганской границе вблизи стратегически важной гератской области. Значительную роль в принятии решения о необходимости открытия диппредставительства сыграл афганский аспект. Его важность подчеркивали высшие должностные лица Российской империи, в том числе инициаторы направления официального российского агента в Мешхед – министр иностранных дел Н.К. Гирс и посланник в Тегеране Н.С. Долгоруков.

Одним из ключевых факторов в учреждении российского генконсульства стала политическая борьба России и Великобритании в Средней Азии. Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о том, что российским властям пришлось «догонять» своих соперников – англичан, гораздо раньше начавших активную работу по укреплению влияния в Хорасане.

Первый российский генконсул в Мешхеде П.М. Власов успешно противодействовал антироссийским интригам в ирано-афганском приграничье, наладил агентурную деятельность в этом регионе, что позволило русским властям получать актуальные сведения о южном соседе. Направлявшиеся руководителями дипмиссии в течение всего времени ее работы ежегодные отчеты по Афганистану в совокупности представляют собой последовательное,

подвергнутое глубокому анализу, изложение событий в этой стране в конце XIX–начале XX в. и, по нашему мнению, достойны быть изданными с приведением соответствующих комментариев в виде отдельной монографии как важный источник по истории Афганистана и российской политике в регионе.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].

РГИА – Российский государственный исторический архив [*RGIA* – Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 820. 1892 г. О санитарном состоянии Афганистана [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 820. 1892. About the Sanitary Condition of Afghanistan (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3054. 1888 г. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3054. 1888. Regarding the Establishment of the Russian Consulate General in Mashhad, the Appointment of the Collegiate Counselor Vlasov as the Consul General, and Various Correspondence about this Consulate General (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1306. 1887 г. По поводу командирования консула в Гиляне коллежского советника Власова в Мешхед для ознакомления с положением дел в Хорасане и для изучения способов получения сведений из Афганистана [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 1306. 1887. Regarding the Secondment of the Consul in Gilan, the Collegiate Counselor Vlasov to Mashhad to Get Acquainted with the State of Affairs in Khorasan and to Study Ways of Obtaining Information from Afghanistan (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3040. 1889 г. Об агентах генерального консульства в Мешхеде в разных округах Хорасана [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3040. 1889. About the Agents of the Consulate General in Mashhad in Different Districts of Khorasan (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3063. 1890 г. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3063. 1890. Reports of the Consulate General in Mashhad on the State of Affairs in Khorasan and Its Neighboring Environs, as Well as Various Correspondence with the Consulate General for Political and Commercial Affairs (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3064. 1891 г. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3064. 1891. Reports of the Consulate General in Mashhad on the State of Affairs in Khorasan and its Neighboring Environs, as Well as Various Correspondence with the Consulate General for Political and Commercial Affairs (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3079. 1901 г. Мохаммад Юсуф Гератский. Доставка сведений о Хорасане и Афганистане [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3079. 1901. Mohammad Yusuf of Herat. Delivering Information about Khorasan and Afghanistan (in Russian)].

Мулла Файз-Мохаммад Катиб Хазара. *Сирадж ат-Таварих*. Т. 3. Тегеран: Эрфан, 2015 [Mulla Fayz-Muhammad Katib Hazarah. *Siraj al-Tawarikh*. Vol. 3. Tehran: Erfan, 2015 (in Dari)].

РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 467. 25 июля–7 октября 1885 г. Протокол соглашения между русским и английским правительствами, предписание Азиатского департамента МИД российскому комис-

сару по определению северной границы Афганистана и письма кн. А.М. Дондукова-Корсакова военному министру об установлении русско-афганской границы, отношениях между Россией, Персией и Афганистаном и по вопросу об организации управления Закаспийской области; карта района русско-афганской границы [RGIA. Fund 932. Inv. 1. Case 467. July 25 – October 7, 1885 Protocol of Agreement between the Russian and British Governments, the Prescription of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs to the Russian Commissioner on the Definition of the Northern Border of Afghanistan and a Letter to Prince. A.M. Dondukov-Korsakov to the Minister of War on the Establishment of the Russian-Afghan Border, Relations between Russia, Persia and Afghanistan and on the Organization of Administration of the Trans-Caspian Region; Russian-Afghan Border Area Map (in Russian)].

Kennedy R.J. *Journey in Khorassan and Central Asia*. London: Hatchards, 1890.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИЩЕНКО Никита Сергеевич – Второй секретарь Посольства России в Афганистане, МИД РФ; соискатель МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

Nikita S. ISHCENKO, Second secretary of the Russian Embassy in Afghanistan, Ministry of Foreign Affairs, Post-graduate student, MGIMO-University, Moscow, Russia.